
В. В. ПРУДНИКОВ

**НОРМАННЫ И ТЮРКИ-СЕЛЬДЖУКИ
В МАЛОЙ АЗИИ ПО ДАННЫМ
«ХРОНОГРАФИИ» МАТТЕОСА УРХАЕЦИ
(МАТФЕЯ ЭДЕССКОГО) ***

Для поколений исследователей «Хронография» Маттеоса Урхаеци традиционно является первостепенным источником по истории не только Армении, но и Византии, крестовых походов, Сирии и ислама в период с середины X до середины XII в. Его родной город Эдесса (Урха) издавна стоял на перекрестке цивилизаций, а на протяжении столетий одних завоевателей сменяли другие.

При исследовании межкультурного взаимодействия особый интерес представляет вопрос о том, как именно воспринимал ученый-монах столь различных на первый взгляд представителей «новых» завоевателей: норманнов и тюрок-сельджуков. На протяжении десятилетий они победоносно шествовали навстречу друг другу из глубин Европы и Азии, чтобы сойтись под стенами древнейших городов Малой Азии и Сирии в борьбе за господство.

Ключевые слова: норманны, тюрки-сельджуки, франки, Маттеос Урхаеци, Матфей Эдесский, Византийская империя, Малая Азия.

В XI в. цивилизация средневекового Запада перешла от обороны к территориальной экспансии, которая развернулась уже за границами католических государств. Авангардом и наиболее активными проводниками этой экспансии выступили норманны. Воспитанная в духе завоевательных традиций первых норманнских герцогов норманнская аристократия искала возможности для агрессии

* **Для цитирования:** Прудников, В. В. 2023. Норманны и тюрки-сельджуки в Малой Азии по данным «Хронографии» Маттеоса Урхаеци (Матфея Эдесского). *Историческая психология и социология истории* 2: 124–144. DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.08.

For citation: Prudnikov, V. V. 2023. Normans and Seljuk Turks in Asia Minor According to The “Chronicle” of Matteos Urhaetsi (Matthew of Edessa). *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 2: 124–144 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.08.

Историческая психология и социология истории 2/2023 124–144
DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.08

по всей Европе. В течение нескольких десятилетий норманны превратились в доминирующую политическую, военную и социальную силу Южной Италии. Оттуда они продолжали осуществлять завоевательные походы в восточном направлении: в 1081–1085 гг. была предпринята неудачная для норманнов попытка завоевания балканских провинций Византии, также норманнам удалось создать в северной Сирии Антиохийское княжество в эпоху первого крестового похода. В западном Средиземноморье норманны установили свое господство над островом Сицилия, а также на время закрепились в Северной Африке.

На фоне столь блестящих завоеваний особый интерес представляют попытки норманнов утвердиться в Малой Азии, где они появляются за половину столетия до объявления первого крестового похода в качестве наемников в византийской армии.

В этот исторический период регион становится объектом притязаний и других завоевателей, вышедших из глубин Средней Азии – тюрок-сельджуков. Первые упоминания о начале их экспансии в исторических хрониках появляются под 1016 г., но на самом деле первое появление тюрок-сельджуков в Малой Азии датируется 1018 г.

Полномасштабное вторжение в Малую Азию началось в 1047/48 гг. К этому времени огузские племена уже представляли собой значительную силу. Во главе стояли Тогрул-бек Мухаммад и Чагры-бек Давуд – внуки основателя династии Сельджука, а также их дядья Ибрахим Янал и Кутулмыш. Они нанесли поражение династии Газневидов. В августе 1038 г. тюрки заняли Нишапур, и с тех пор имя Тогрул-бека произносилось в городе во время пятничной молитвы.

22 мая 1040 г. последний Газневид Масуд в битве при Данданакане потерпел поражение от сельджуков. Значительные массы огузов двинулись к Азербайджану, вторглись в Армению и Верхнюю Месопотамию. Это нашествие перешло в иное качество в 1071 г., после поражения византийского войска в битве при Манцикерте. Это сражение послужило основой легитимации новых владений участников сражения: сельджукских эмиров, которые заложили основы многих династий в Малой Азии: Данышмендидов, Салтукидов, Менгучаков и др.

Армянский историк Маттеос Урхаеци (Матфей Эдесский) родился во второй половине XI в. в Эдессе (*арм.* Урха), где провел всю свою жизнь и умер предположительно между 1138 и 1144 гг.

По своему значению «Хронография» Маттеоса Урхаеци стоит в одном ряду с самыми известными сочинениями своего времени и является важнейшим источником по истории всего Ближнего Востока. Его труд состоит из трех частей. Первая часть охватывает события с 952 по 1051 г., вторая – с 1051 по 1101 г., третья – с 1101 по 1137 г.

Известно, что первую часть своей работы Урхаеци писал, опираясь на сведения современников, а основным источником для него (вплоть до 1086 г.) послужила «Хроника» армянского историка, музыканта и церковного деятеля XI в. Акопа Санаинеци, который «был современником и участником описываемых событий» (Степаненко 2021: 660–661).

При написании настоящей работы были привлечены два перевода «Хронографии» на французский язык, выполненные Э. Дюлорье и изданные во второй половине XIX в. Однако наибольшее предпочтение отдавалось более полному и современному переводу на английский язык, осуществленному А. Э. Достурьяном. Перевод с комментариями был опубликован под 1993 г. в книге «Armenia and the Crusades: Tenth to Twelfth Centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa».

Большой интерес представляют наблюдения издателя и переводчика труда Урхаеци А. Э. Достурьяна, которыми он делится во введении к книге. В частности, он отмечает, что отношение хрониста к латинянам в целом было крайне неоднозначным. Он считает, что армянский хронист плохо представлял себе их мотивы. Если первоначально Урхаеци приветствовал их появление в Малой Азии и выражал надежду на избавление христиан от ига мусульман, то со временем он сильно разочаровался и стал винить их во всех бедах христиан Востока. Однако при сравнении с греками-византийцами симпатии хрониста всегда на стороне латинян из-за их неизменной поддержки армян (Armenia... 1993: 6–7).

Не менее интересно его мнение об отношении хрониста к арабам-мусульманам и тюркам-сельджукам, которое он считает уникальным и непредвзятым, несмотря на явное отсутствие у хрониста симпатий к исламской религии. Вполне естественно, что к арабам Урхаеци относился с большой симпатией по причине того, что сельджуки разоряли и уничтожали его родную землю. Но при этом он сохраняет добрую память и выражает благодарность в виде похвал тем правителям тюркок-сельджуков, которые проявляли доброту и благосклонность к его народу и к другим христианам (*Ibid.*: 7).

В конечном итоге А. Э. Достурян приходит к выводу о том, что в отношении к другим этническим сообществам Урхаеци не придерживался последовательной точки зрения и испытывал сильные колебания при описании действий того или иного народа. Тем не менее, если подобная последовательность и существовала, то она, скорее всего, заключалась «в его безоговорочной приверженности благополучию Византийской империи, армян и других восточных христиан» (Armenia... 1993: 7).

В историографии существуют и другие подходы, дающие объяснения столь необычной для средневековых авторов манере оценивать «своих и чужих». К. Макэвитт, например, считал, что кажущиеся противоречивыми оценочные суждения хрониста не являются плодом его непоследовательности, а были продиктованы его стремлением разглядеть признаки грядущего Апокалипсиса в действиях отдельных людей и сообществ (Macevitt 2007: 170). В результате Маттеос оценивал поступки людей не как следствие их характера, этнической принадлежности и т. д., но как свидетельства той суровой эпохи, в которой им довелось жить.

Все возможные беды, которые обрушились на христиан в это время, были вызваны неизбежным наступлением Апокалипсиса, предсказание о котором можно было найти не только в Священном Писании, но и в откровениях, написанных ученым-монахом XI в. Ованесом Козерном. Среди сделанных им пророчеств были не только вторжения тюрков-сельджуков, приход крестоносцев, но и неизбежное восстановление империи, во главе которой окажется византийский император. По мнению исследователей, именно по такому плану и создавалась хроника Урхаеци, для которого слова Ованеса Козерна стали непререкаемым авторитетом (Andrews 2016: 30–43; Macevitt 2007: 179–181).

На самом деле очень сомнительно, что пророчества Ованеса Козерна стали каким-то откровением для Урхаеци. Ведь для него Ованес – это в первую очередь его современник, который повторяет слова Священного Писания и других пророков, бывших до него. Сам Урхаеци на страницах своего сочинения неоднократно ссылается на слова армянского католикоса святого Нерсеса, а также других святых и пророков, которые якобы предрекали разрушение Армянского царства (Armenia... 1993: 145), приход крестоносцев (*Ibid.*: 164) и взятие Иерусалима (*Ibid.*: 172–173) и т. п. К. Макэвитт считает, что у армянского хрониста была некая сверхзадача и он «не стремился подготовить армян к концу света, а хотел открыть

им глаза на эрозию их культуры и сообщества военной, политической и культурной мощью византийцев, тюрок и франков» (Masevitt 2007: 181).

Из текста следует, что хронист с большим вниманием относился к деятельности норманнов в Малой Азии с момента их появления в качестве наемников на византийской службе с середины XI в. Подобного отношения и следовало ожидать со стороны армянского летописца, если учесть тот факт, что значительную часть жизни он провел в столице Эдесского графства, которое не только имело тесные связи с Антиохийским княжеством, но некоторое время находилось в его составе. Сложно сказать, понимал ли Маттеос отличия лотарингцев или провансальцев от норманнов, так как в тексте своего сочинения он ограничился применением общего термина «франк».

В комментариях переводчик поясняет, что в «Хронографии» этноним «P'rang» (франк) служил для обозначения как европейцев в целом, так и того, что в описываемую эпоху под ним преимущественно подразумевались норманны, которые имели огромное значение в византийской армии до 90-х гг. XI в. (Armenia... 1993: 308; Chronique... 1858: 406). А. П. Каждан отмечал, что у византийских авторов XI–XII вв. этноним «франк» никогда не использовался для общего обозначения уроженцев Запада, но скорее служил для идентификации отдельных народов. Если сначала под этим термином имелись в виду германские племена, заселившие Галлию, то затем он стал обозначать население Галлии. С ростом роли и значения норманнских завоеваний в Средиземноморье под франками в византийской литературе стали подразумевать в первую очередь пришедших с территории севернее Альп италийских норманнов [Kazhdan 2001: 90–91; 99].

Таким образом, на основе вышеприведенных данных с большой долей уверенности можно предположить, что по крайней мере до начала первого крестового похода в армянской историографии под словом «франк» подразумевались в основном норманнские наемники.

Современным исследователям очень трудно разобраться с использованием Урхаеци терминов для обозначения сельджуков, что осложняется еще и использованием разновременных списков «Хронографии». А это неизбежно приводит к разночтениям и различного рода накладкам в ученых записках и переводах. Например, в одном месте из первой части присутствует описание победоносного

похода армянских войск против некоего «народа на юге» (*nation in the south*), который далее именуется «неверными», «тюрками» и «персами» (*Armenia... 1993: 68*). Из самого текста хроники и комментария переводчика становится понятно, что в данном случае речь идет о тюрках-сельджуках (*Ibid.: 302*). С другой стороны, у Э. Дюлорье, который, вероятно, использовал другой список хроники, в том же месте говорится о некоем «мидийском народе» (*la nation du midi*) (*Chronique... 1858: 71*). Французский переводчик также дал комментарий по этому поводу, где указал, что речь здесь, несомненно, идет о сельджуках, которые, как известно, сначала захватили Персию, затем проникли в Армению и на юго-восточное побережье Каспийского моря, а перечисленные территории традиционно входили в состав исторической области Мидии (*Ibid.: 398*).

Возможно, что ответ на эти разночтения скрывает первая страница хроники, где под 952/953 г. говорится об ужасном голоде в Эдессе и неких южных землях, которые принадлежали «тачикам» (*Armenia... 1993: 19; Chronique... 1858: 1*). В этом случае оба упомянутых нами переводчика единодушно соглашаются с тем, что под «тачиками» у Маттеоса в первую очередь подразумевались мусульмане в целом, а в контексте хроники данный термин мог означать и араба, и тюрка, и перса (*Armenia... 1993: 283; Chronique... 1858: 367–368*).

По мнению Т. Л. Эндрюс, под «мусульманами» в хронике подразумевались преимущественно тюрки-сельджуки, которые в соответствии со вторым пророчеством Ованеса Козерна выполняли роль «неверных, преследователей и агентов Бога» (*Andrews 2016: 101*). С данным утверждением очень трудно согласиться, так как, если верить данным хроники, не все мусульмане были тюрками. Например, Урхаеци четко проговаривает тот факт, что в войске тюрков были мусульмане грузинского происхождения (*Armenia... 1993: 278*).

Исследовательница также отмечала, что слова «*Parsik*» (перс) и «*T'urk'*» (тюрк) были очень близки по значению в восприятии хрониста и зачастую соответствовали термину «*Ta'ik*» (тачик), который она переводит в тексте хроники как «мусульманин» (*Andrews 2016: 101*). Она считает, что подобная непоследовательность Урхаеци в использовании этнонимов пришла к нему на ранних этапах работы через использование разнородных источников для написания первой части хроники, чтобы затем перейти во вторую и третью части соответственно. В качестве примера она ссылается

на небольшой отрывок, повествующий о сражении между крестоносцами и сельджуками в 1104/1105 г., в котором буквально в одном предложении автором хроники применены все три слова, обозначающие сельджуков: «Когда Балдуин и Жослен столкнулись с тюркскими войсками, здесь, на этой странной и чужой мусульманской земле, произошла ужасная и жестокая битва. Персидские войска разгромили франков» (Andrews 2016: 101; Armenia... 1993: 193).

Возможно, что Т. Л. Эндрюс права в своей оценке применения хронистом столь различных на первый взгляд этнонимов. Вместе с тем в «Хронографии» встречаются места, которые принуждают взглянуть на этот вопрос под иным углом. Например, под 1121/1122 г. Урхаеци описывает сильный пожар, который уничтожил мечеть, возведенную «персидским» султаном Тогрулом в Багдаде. При этом он сообщает, что тот построил эту мечеть «с грандиозным великолепием и размахом» в честь ознаменования победы над «персами», с которыми он воевал 20 лет, для той цели, чтобы «тюрки» не входили в мечеть «арабов» (Armenia... 1993: 228; Chronique... 1858: 305–306; Matthieu de Edesse 1869: 131). К сожалению, никто из упомянутых мной исследователей и переводчиков не счел необходимым прокомментировать этот отрывок.

Под 1016 г. в «Хронографии» содержится подробное описание того, как против впервые появившегося в Васпуракане тюркского отряда выступили армянские войска, но под градом стрел были вынуждены отступить. В частности автор сообщил, что никто «до этого никогда не видел тюркскую конницу. Когда же увидели, то были поражены их внешним видом. Ведь это были лучники с распущенными, как у женщин, волосами» (Armenia... 1993: 44).

Уже с первых страниц «Хронографии» тюрки-сельджуки являются причиной предсказанных ранее бед и несчастий для христиан, а они сами предстают в образе «кровожадных зверей», «нации неверных», «злого и дикого народа», «злых и отвратительных детей Хама» (Armenia... 1993: 44, 45, 49, 56, 59). Последняя характеристика сельджуков является отсылкой к библейским сказаниям, в соответствии с которыми Хам, сын Ноя, имел крайне негативную оценку в глазах читателей. Своим недостойным поведением он заслужил проклятие отца, которое распространилось на его потомство, обрекая их быть рабами. К столь нелестным характеристикам хронист добавляет «безумный и зловредный народ тюрков» (Armenia... 1993: 101), а также «безжалостный», «вероломный» (*Ibid.*: 126) и «свирепых» (*Ibid.*: 220).

При осаде Манцикерта в 1054–1055 г. «подобный змею, исполненному всякого зла [мыслимого]» султан Тогрул¹ послал в Багдад за «внушавшей ужас и благоговение» катапультай (*Armenia...* 1993: 86–87). Поначалу осажденным удавалось ответными выстрелами противостоять ударам этого оружия, но вскоре тюрки-сельджуки окружили катапульта валами и обезопасили ее от попаданий камней.

Тогда византийский военачальник Василий Апокавк предложил тому, кто уничтожит катапульта, щедрую награду, почести и высокий титул от императора. «Тогда франк выступил вперед и сказал: “Я пойду и сожгу эту катапульта, и сегодня моя кровь прольется за всех христиан, и поскольку у меня нет ни жены, ни детей, то некому будет оплакивать меня”. Он попросил сильного и не пугливого коня, надел кольчугу и возложил шлем на голову. Взяв письмо, он приладил его к наконечнику копья, положил три бутылки с нефтью за пазуху, двинулся вперед так, как если бы он был гонцом» (*Ibid.*: 87).

«Сопровождаемый молитвами всех христиан и Божьей помощью, он направился к неверным. Когда неверные увидели письмо на наконечнике его копья, они приняли его за гонца и ничего не сказали. Был полдень и, поскольку было очень жарко, все спали в своих шатрах. Достигнув катапульта, франк остановился перед ней. Неверные подумали, что он был поражен огромными размерами машины, однако в то же время он достал одну бутылку с нефтью и бросил ее в катапульта. Затем, как орел, он проехал вокруг катапульта и бросил в нее другую бутылку. И сделав еще один круг, он поразил машину третьей бутылкой. Катапульта занялась огнем, а франк сбежал. Когда все в лагере неверных увидели то, что он натворил, они стали его преследовать, но франк достиг города невредимым» (*Ibid.*: 88).

Катапульта сгорела к немалой радости горожан, а византийский император Константин Мономах пожаловал герою высокий титул. «Даже султан сильно дивился содеянному франком и пожелал увидеть того, кто был способен совершить столь доблестный подвиг, чтобы одарить его, но франк отказался придти» (*Ibid.*).

Подобная история приводится у другого армянского автора в «Повествовании вардапета Аристакэса Ластивертци, о бедствиях,

¹ Переводчики и комментаторы хроники при первом упоминании следующим образом переводят титул Тогрула: «Sultans des Perses» [*Chronique...* 1858: 51] и «Sultan of the Persian empire» [*Armenia...* 1993: 54–55].

принесенных нам инородными племенами». В отличие от хроники Урхаеци в сочинении Аристакэса говорится о некоем «ромейском военачальнике», который «приготовил из нефти и серы горючую смесь, залил ее в стеклянный сосуд, сел на благородного коня и, будучи храбрым и мужественным, прикрыл спину только щитом» (Аристакэс Ластивертци 1968: 92–93).

При знакомстве с этим отрывком неизбежно возникает вопрос о том, почему Аристакэс не интересовался этнической принадлежностью этого «военачальника», который совершил столь славное деяние под стенами Манцикерта. В то же время хронист упоминал о сражении между тюрками и «врангами» (варягами) у Баберда, а также о стычке «эрузов» (русов) с армянами (Там же: 56). При этом он неоднократно повторял, что варяги у Баберда являлись «отрядом из ромейского войска» (Там же: 88).

Возможно, наиболее вероятная причина этого кроется в том, что, в отличие от Маттеоса, Аристакэс более терпимо относился к византийцам (Там же: 28–29), так как не хотел лишиться раз говорить об их неспособности противостоять сельджукской экспансии и не питал надежд, связанных с появлением «франков» в Малой Азии.

Основное внимание Аристакэс в «Повествовании» и при описании осады Манцикерта Тогрулом уделил тюркам-сельджукам (Там же: 29–31). Он подробно описывал катапульту и приводил ее название на тюркском языке, а также количество obsługi, вес снаряда и ее разрушительную мощь (Там же: 92).

Пришедший на смену Тогрулу его брат султан Алп-Арслан за его завоевательные походы против христианских народов также заслужил у Урхаеци нелестную репутацию «ядовитого змея персов», «злобного змея» (*Armenia...* 1993: 130), «свирепого зверя» и «кроважадного человека» (*Ibid.*: 131). Более того, он представляет выступление Алп-Арслана в 1071 г. против Византии «как бурный поток; с огромным войском он выступил вперед и прибыл в Армению, как облако, наполненное мрачной тьмой, принес с собой много разрушений и кровопролитие» (*Ibid.*: 130). Одним из следствий этого движения стало нападение на брошенный «ромейским» гарнизоном Манцикерт, в результате чего все население города было вырезано сельджуками. Жестокость султана в отношении горожан хронист объясняет стремлением того отомстить за поражение Тогрула при попытках захватить город ранее.

При этом во время столь разрушительного выступления «кроважный» султан Алп-Арслан проявляет милость к населению Амиды и сожалеет о гибели жителей некоей крепости (the fortress of T'lhum), которым ранее пообещал не причинять вреда (Armenia... 1993: 130). После битвы при Манцикерте он более чем дружелюбно и достойно обращается с императором Романом Диогеном, а также клянется тому хранить мир и дружбу с Византией. И только предательство самих византийцев по отношению к своему императору побуждает Алп-Арслана отказаться от клятвы и снова обратиться против христиан (*Ibid.*: 135). Получается так, что в подаче материала Урхаеци сельджукский султан из всех сил стремился к миру и дружбе с христианами, но последние сами этого не хотели и всячески провоцировали его действовать жестко. При таком подходе вполне естественным и закономерным выглядит описание гибели султана от рук безымянного правителя некоей крепости, которого Урхаеци представил отнюдь не героем, хотя и охарактеризовал его как человека храброго, но при этом жестокого и имеющего злой характер (*Ibid.*: 136).

Весьма вероятно, что армянский хронист нашел бы совсем другие слова для описания Алп-Арслана и его поступков, если бы его имя не было связано с походами на Армению. Это кажется вполне логичным, когда знакомишься с характеристикой, которую он дал султану Маликшаху, который наследовал своему отцу Алп-Арслану. В частности, Маттеос именует его добрым и милосердным человеком, благосклонным к христианам, власть которого была угодна Богу, распространялась повсеместно, но главное, что тот принес мир в Армению (*Ibid.*: 137).

Урхаеци не раз говорил о норманнах как о защитниках его родного города Эдессы от вторжений сельджуков. Под 1064–1065 гг. он сообщал о стычке между отрядами «злого персидского предводителя <...> салара Хорасана»² и «франков», которые в количестве

² В данном случае автор использовал персидский термин, обозначающий титул сельджукского военачальника, который, по мнению переводчика, можно было бы перевести как «генерал Хорасана» (Armenia... 1993: 311). В «Хронографии» неоднократно встречается термин «Slar-Khorasan» (*Ibid.*: 97–98, 107, 109). В этом случае мнения переводчиков полностью совпадают: персидский титул используется вместо личного имени тюркского вождя (*Ibid.*: 326; Chronique... 1858: 408). Последний в соответствии с хроникой Маттеоса являлся военачальником султана Тогрула.

200 всадников составляли гарнизон крепости Севаверак: «...франки вступили в битву с тюрками и сначала разбили их и обратили в бегство. Однако когда неверные получили подкрепление, они заставили франков бежать и убили пятнадцать человек» (Armenia... 1993: 107–108).

В другом месте хронист не забыл упомянуть о доблестной гибели некоего норманнского наемника, который прикрывал отступление 4000 человек из «ромейских войск» в Эдессу: «...в этот момент франк развернулся лицом к тюркам и, рыкая, словно лев, ранил и убил многих и этим остановил их и дал возможность уйти беглецам. Но, так как его лошадь получила множество ран, франк был зарублен и мужественно погиб на месте» (*Ibid.*: 109).

Урхаеци неоднократно приводил примеры коварства норманнских предводителей на византийской службе. В 1062 г. Михаил VII Дука направил в район города Амида «знатного вельможу Франкопулоса» во главе шеститысячного отряда (*Ibid.*: 99). За взятку в 10 000 дахеканов (золотых монет) от мусульман Амиды Франкопулос оставил в бою дуку Эдессы Даванатоса. После того как Даванатос погиб в битве с мусульманами, один из его людей явился к норманнскому предводителю и стал его обвинять в гибели Даванатоса, и «когда Франкопулос услышал это, то напал на неверных и жестоко избивал их у ворот города, и перебил их до пятнадцати тысяч человек» (*Ibid.*: 100).

Надо заметить, что о жизни и карьере этого Франкопулоса, известного по византийским источникам как Жерве, мы знаем гораздо больше, чем о многих других норманнских наемниках, от которых не осталось даже имен, однако хронисты запомнили их деяния. Не обошли его вниманием в своих работах и ученые-историки (Schlumberger 1881; Shepard 1993; Simpson 2000).

В Эрзуруме Жерве-Франкопулос уничтожил отряд Юсуфа, «захватил неисчислимую добычу и освободил множество пленных» (Armenia... 1993: 100–101). Тем не менее героические деяния не спасли его от наказания за предательство Даванатоса. Михаил VII Дука вызвал его в Константинополь и приказал бросить в море с камнем на шею.

Похожий случай, но на этот раз с безымянным предводителем норманнских наемников, был описан под 1065 г., когда «франкские отряды Эдессы» во главе с «коварным» командиром якобы оставили в бою с тюрками на произвол судьбы дуку Антиохии Хачатура.

Они сделали это по приказу завистливого дуки Эдессы Никиты Пегонита. За этот проступок с командира норманнских наемников заживо содрали кожу, а Никита Пегонит лишился своего поста (Armenia... 1993: 108).

Благодаря хронике стало известно о том, что норманны составляли ударную силу в войсках Филарета Варажнуни, который после поражения Византии при Манцикерте в 1071 г. стал фактически независимым правителем территории, в которую входили Киликия, области Антиохии, Эдессы и Мелитены. Перед решающей битвой с Филаретом в области Амида правитель армянского Сасуна Торник Мамиконян, который собрал «пятьдесят тысяч пехоты и шесть тысяч конницы», «более всего опасался франков» (количество которых в войске Филарета составляло около 800 человек) (*Ibid.*: 138).

Во главе этого норманнского отряда стоял «count Rmbaghat». Именно такой перевод на английский язык предлагает А. Э. Достурьян, который вслед за Э. Дюлорье именуется норманнского предводителя «графом» – термином, который, по мнению переводчиков, соответствует значению слова, использованного хронистом: «предводитель», «правитель провинции» и «военачальник» (*Chronique...* 1858: 417).

Достурьян считает невозможным в данном случае точно установить имя норманнского предводителя. В то же время на французском языке, по версии Дюлорье, вероятным вариантом этого имени следует считать «Raimbaud» или «Rimbaud», которое можно перевести на русский как Рембó (*Matthieu du Edesse* 1869: 315).

Правитель Сасуна Торник Мамиконян построил свои войска для битвы таким образом, чтобы нейтрализовать конную атаку норманнов, и добился в этом успеха. Ему удалось захватить многих предводителей, включая самого «графа» Рембо. При этом хронист с нотками сожаления говорит о том, что «в этот день погибли многие франки и другие христиане» (Armenia... 1993: 138).

Таким образом, норманны воспринимались хронистом в первую очередь как единоверцы-христиане. В сражениях с мусульманами они проявляют чудеса храбрости. Отдельных «франков» автор сравнивает с «орлами» и «львами». Он очень высоко оценивает их военные способности и представляет отряды норманнов как тяжелооруженную конницу. Но вместе с тем хронист отмечает вероломство их предводителей, указывая на их жадность и предательство единоверцев.

Урхаеци приветствует крестовый поход «доблестной нации, именуемой франками», который предсказывали ранее армянские святые и пророки (Armenia... 1993: 59–60). Именно с «франками» он связывает надежду на решительное противодействие сельджукской экспансии: «...ибо через них Господь решил биться с персами» (*Ibid.*: 179).

Буквально армянский хронист называет крестоносцев «римлянами» (Hromayets'ik'), хотя Достуриян и Дюлорье (в своем первом варианте перевода «Хронографии») осторожно транслируют это слово как «Latins» (латиняне), «Westerners» (*Ibid.*: 326) и соответственно «Occidentaux» («уроженцы Запада») (Chronique... 1858: 212). В более позднем переводе Э. Дюлорье применяет буквальный перевод: «римляне» (Matthieu du Edesse 1869: 24).

Косвенным подтверждением такого рода прочтения может считаться сообщение о происхождении одного из вождей первого крестового похода Готфрида Бульонского от римских императоров, в то время как его брат Балдуин, по словам летописца, вез с собой меч и корону римского императора Веспасиана, «который разрушил Иерусалим» (Armenia... 1993: 164). Последний факт имел для Урхаеци символическое значение, так как, описывая взятие крестоносцами Иерусалима, он говорит, что якобы Готфрид с мечом Веспасиана в руках умертвил до 65 000 «неверных». Также он закончил отрывок словами о том, что это был третий раз со времени распятия Христа, когда этот меч был обращен против святого города (*Ibid.*: 173).

В географическом описании Западной Европы в «Хронографии» содержится намек на бывшие пределы Римской империи: «В этот год все народы Италии и Испании, вплоть до границ Африки и даже удаленной франкской нации, пришли в движение» (*Ibid.*: 164).

А. Э. Достуриян достаточно категорично говорит, что термин «римляне» применялся только в отношении византийцев. Это вполне согласуется с представлениями византийцев о самих себе как о прямых наследниках Римской империи, которые именовали себя «ромеями». Одновременно с этим термином в отношении византийцев использовался этноним «грек» (*Ibid.*: 283). Дюлорье в комментариях ко второму переводу «Хронографии» признает, что хронист применял термин «римляне» в отношении византийцев и народов Западной Европы, разделяя тем самым их на восточных и западных «римлян» (Chronique... 1858: 7).

По всей видимости, Маттеос не считал «франков» варварами. Он мог использовать этот термин просто для обозначения выходцев из Западной Европы аналогично византийскому термину «латиняне», но без уничижительного оттенка. Однако более вероятно, что в его понимании «франки» и греки-византийцы имели равные права на античное наследие и право именоваться римлянами.

Как равные «франки» и «греки» сначала вступили в единоборство, а затем заключили союз против мусульман в храме Святой Софии в Константинополе. Император Алексей Комнин дал крестоносцам щедрые дары, а те в свою очередь поклялись передать империи все ранее захваченные у нее сельджуками области, рассчитывая приобрести для себя области «персов и арабов» (*Armenia... 1993: 27*).

Предводителей крестоносцев Урхаеци представляет как «знатных», «благочестивых» и «могущественных мужей и воинов, идущих во главе грозных армий, многочисленных, как звезды на небе» (*Ibid.: 164–165*).

Армянский хронист предоставляет малосодержательную информацию о продвижении крестоносцев через Малую Азию. Он пространно описывает сражение под Никеей и при Дорилее (*Ibid.: 166*). Достаточно подробно Маттеос повествует о перипетиях борьбы за Антиохию, «которую ранее захватили армяне» (*Ibid.: 171*). Он также сообщает о помощи, которую оказывали крестоносцам армянские правители и духовенство во время трудного, полного лишений продвижения по Малой Азии (*Ibid.: 167*). С другой стороны, он ничего не говорит ни о происхождении, ни об этнической принадлежности горожан и жителей округа Антиохии, которые помогали крестоносцам взять город и расправиться с эмиром Яги Сияном (*Ibid.: 170–171*).

Хроника дает ценный и уникальный материал о пленении Боэмунда Тарентского. В ней говорится, что «персидский эмир» Данышменд, «господин Севастии и всей страны Рума», выступил против Мелитены «с огромным количеством конницы» (*Ibid.: 176*). Правитель города Гавриил обратился к Боэмунду с просьбой оказать ему помощь с условием передачи власти норманнам. В ответ на это Данышменд отправился навстречу войскам князя Антиохии, разместив по дороге множество засад.

Норманны оказались совершенно не готовы к встрече с тюрками: «...их войска отложили оружие и шли, одетые подобно женщинам, сопровождающим похоронную процессию, ибо они отдали

свое военное снаряжение слугам, чтобы те несли его. Кроме того, эти воины, лишённые оружия, допустили возможность стать пленниками» (Armenia... 1993: 176–177). В этой ожесточенной битве погибли все отряды франков и армян, а также два армянских епископа, сопровождавшие войска Боэмунда, который «относился к ним с величайшим почтением» (*Ibid.*: 177).

Это событие имело большой резонанс: христиан такая новость повергла в уныние, а мусульмане, напротив, очень обрадовались, поскольку «неверные почитали Боэмунда за истинного короля франков, и весь народ Хорасана дрожал при упоминании его имени» (*Ibid.*).

«Хронографии» мы обязаны наличием сведений о той роли, которую сыграл «великий армянский князь» Васил Гох в освобождении Боэмунда из плена. В частности, он не только выступал посредником в переговорах с Данышмендом по поводу выкупа, но и активно собирал деньги, в отличие от родного племянника Боэмунда Танкреда. После освобождения Боэмунда он не только встретил его с большим почётом и осыпал дорогими подарками, но и объявил своим приемным сыном (*Ibid.*: 191–192).

Урхаеци предоставил довольно оригинальное и противоречивое описание путешествия Боэмунда по Западной Европе. Все повествование сводится к женитьбе того на богатой вдове Стефана Блуаского, которая якобы предложила ему разделить с ней богатство и власть. Но первоначально князь Антиохии отказал ей, так как видел свою цель в возвращении обратно для защиты христиан и борьбы с «неверными персами». Однако вдова продолжала настаивать и даже заковала крестоносца в оковы и бросила в темницу. Только после этого Боэмунд согласился жениться на ней, в этом браке родилось двое детей, а на Восток он больше никогда не вернулся (*Ibid.*: 194). В этой истории путешествия норманнского правителя на Запад перемешались реальность и вымыслы, но сам характер изложения явно указывает на наличие устных преданий в ее основе.

Куда с большим сочувствием автор «Хронографии» говорит о смерти «великого эмира страны Рума» Данышменда. Он утверждает, что тот не только был «добрым человеком, благодетелем людей, сочувственно относившимся к христианской вере», но и по своему происхождению являлся армянином (*Ibid.*). Вызывает интерес отношение хрониста к представителю другой туркменской династии – Сукману бен Артуку. В своем сочинении он именует его то «выда-

ющимся и прославленным эмиром», «храбрым воином» (*Armenia...* 1993: 167), то «кровожадным» (*Ibid.*: 177) и «злым человеком» или просто «кровожадным зверем» (*Ibid.*: 194).

Надо признать, что на отношение армянского хрониста к тому или иному правителю (будь тот франком-крестоносцем или сельджуком-мусульманином) в значительной мере влияло то, какую память они оставили по себе в родной для него Эдессе. Это становится очевидно при рассмотрении его оценок деятельности родственника Боэмунда Ричарда Салернского. Начнем с того, что Урхаеци упоминает об участии Ричарда в походе Боэмунда на Мелитену, окончившийся бесславным поражением и пленом, из которого Ричард в качестве «подарка» был передан Данышмедом Алексею Комнину за немалую сумму (*Ibid.*: 192). После возвращения из Константинополя Ричард был отправлен регентом Антиохии Танкредом в Эдессу, где в качестве наместника «причинил вред многим людям» (*Ibid.*: 201–202). В частности, Ричард во главе гарнизона Эдессы «неразумно» и «неосторожно» совершил вылазку против «храбрых и воинственных персидских войск» во главе с правителем Мосула Джекермишем, в результате которой погибли 400 человек, а тюрки «победоносно» вернулись домой (*Ibid.*: 197).

Причину неудач крестоносцев Урхаеци видел в том, что «франки» пренебрегли «дорогой Господа» и встали на путь греха. Если Бог помогал «франкам» во время первого крестового похода под Антиохией, то после того как они стали владыками земель на Востоке, они «забыли Божьи заповеди и возжелали то, чего Бог не хотел» (*Ibid.*: 168; 170–172).

Летописец выражает свое разочарование и отчужденность по отношению к «франкам», которых он обвиняет в разрухе и повреждении христианской морали: «Причиною всего этого было буйство франков, ибо славные князья этой нации прожили недолго, а власть попала в руки людей недостойных. Из-за того, что франки руководствовались жадностью, они принесли множество бед и страданий христианам» (*Ibid.*: 198).

Исключение составляли только отдельные «франки», среди которых был Танкред. При описании периода с 1104 по 1113 г., когда последний находился во главе Антиохийского княжества, Маттеос называет его не иначе как «храбрый защитник Господа» (*Ibid.*: 199). В борьбе против графа Эдессы Балдуина Танкред предстает как «набожный муж» и «воин Христов» (*Ibid.*: 201). При этом армян-

ский автор приводит случай, когда арабы-мусульмане ищут у Танкреда защиты от тюрок (Armenia... 1993: 202).

В отличие от других «франков», которые несут только беды христианам, Танкред остается в представлении хрониста на протяжении всего повествования «храбрым воином Христовым» (*Ibid.*: 206). По поводу смерти норманнского правителя армянский хронист раздражается настоящим панегириком о «наиболее благочестивом верующем в Бога» Танкреде, который «был святым и набожным человеком и имел добрую и сострадательную душу, проявлял заботу о всех христианах; более того, он демонстрировал величайшее смирение в отношениях с людьми и справедливость в исполнении приговоров и Божьих законов» (*Ibid.*: 212). В положительном ключе оценивает автор и преемника Танкреда регента Антиохии Рожера Салернского, в первую очередь как «храброго человека и доблестного воина» (*Ibid.*).

При описании вторжения «кровавого и жестокого» атабека Мосула Маудуда хронист говорит о том, как войска Иерусалимского королевства, «пыхтя от гордости», поспешили начать бой с тюрками, дабы заслужить репутацию храбрецов бóльших, чем антиохийцы. Но Бог заставил заплатить крестоносцев за «высокомерие»: иерусалимские войска были разбиты и обращены в бегство, а сам король Балдуин II едва избежал гибели от рук «храброго» тюрка. И только Господь пришел на помощь королю, когда подоспели войска Антиохии и Триполи. «Когда Рожер увидел положение франков, рыкая, подобно льву, он немедля бросился в сражение, обратил в бегство полчища тюрок и тем самым спас короля и все иерусалимское войско» (*Ibid.*: 214).

Крайне прозаично Урхаеци описывает успехи Рожера в борьбе с атабеком Мосулом аль-Борсуки, который в 1114 г. вторгся в область Антиохии. Словно бы об обычном деле, вскользь говорит армянский хронист о том, как Рожеру впервые удалось собрать коалицию против аль-Борсуки, в которую входили не только христианские правители, но и мусульмане: правители Дамаска, Алеппо и Артукиды. Так же буднично хронист описывает, как Рожер практически в одиночку разбил аль-Борсуки в битве при Сармине в 1115 г. (*Ibid.*: 219).

Урхаеци отмечал, что для армянского князя Леона, сына Константина, являлось наивысшей похвалой получить признание храбрости в глазах Рожера. Леон присоединился к Рожеру в экспедиции против Алеппо. Накануне битвы норманнский правитель заявил

Леону, что в битве он испытает «доблесть армянских войск». Всю ночь «воин Христа» Леон готовился к битве, воодушевлял своих людей, а на следующий день он, «яростно рыкая, словно лев», набросился на мусульман во главе своего отряда и обратил их в бегство. В этот день Леон заслужил звание храбреца среди «франков», а Рожеру стали нравиться армянские воины (Armenia... 1993: 223).

В «Хронографии» конфликт Рожера и Артукида Ильгази представлен как личная неприязнь между двумя правителями, которая возникла из-за того, что регент Антиохии успешно расширял границы вверенного ему княжества и свое влияние за счет Алеппо. Хотя ранее «эти двое были по-настоящему близкими друзьями, но теперь стали врагами, так как Аазаз и Алеппо принадлежали тюркскому эмиру Ильгази, сыну Артука. Так Ильгази воспыпал гневом» (*Ibid.*: 223).

Из хроники следует, что Ильгази обладал среди туркмен огромным авторитетом, который позволял ему собирать большие армии, поскольку он имел с тюрками общее происхождение и они «внимали его призыву». Во главе «грозной армии» из 8000 туркмен Ильгази четыре дня безрезультатно осаждал Эдессу, а затем переправился через Евфрат и, «подобно бешено скачущей лошади», уничтожая «все области, занятые франками», по дороге, направился к Антиохии, «убивая всех на своем пути, включая стариков и детей» (*Ibid.*: 223).

Поражение Рожера в битве хронист объясняет его «высокомерием и гордыней», самонадеянностью и неосторожностью: «...более того, сознавая превосходство своего народа, он с презрением относился к войску тюрков» (*Ibid.*: 223). Армянский летописец утверждает, что Рожер не озаботился сбором достаточных сил и средств, чтобы воспрепятствовать наступлению туркменского войска во главе с Ильгази. Правитель Антиохии «беспечно отправился на битву против тюрков, имея только шесть сотен франкских всадников. Под командованием Рожера были также пять сотен армянских всадников, четыреста пехотинцев и толпа в десять тысяч (наскоро собранных) человек» (*Ibid.*: 224). Учитывая, что ранее Рожер разбил аль-Борсуки в битве при Сармине, имея, по сведениям самого хрониста, только 700 всадников, войско Антиохии кажется довольно внушительным.

С другой стороны, Ильгази располагал не только «грозной армией», но и лучше подготовленной, с размещением засад в различ-

ных местах. «Бесчисленное количество персидских войск» позволило окружить «христиан», после чего началась повальная резня. В свойственной ему манере Урхаеци не сообщает ярких подробностей этого сражения, подчеркивая только ожесточенный характер, завершая описание словами, что «почти вся армия франков была полностью уничтожена» (Armenia... 1993: 224).

Надо отметить, что описания баталлий между тюрками и крестоносцами в «Хронографии» подаются крайне оригинально и необычно. Например, при описании битвы при Харране тюрки предстают проводниками Божьего гнева, призванного покарать «франков» за совершенный им грех по отношению к жителям города. При этом из самого повествования становится ясно, что кара в большей степени постигла войска Балдуина Эдесского и Жоселина, которые самонадеянно ударили первыми на врага, в то время как Боэмунд Антиохийский и Танкред остались в стороне и понесли меньшие потери (*Ibid.*: 193).

Крайнее удивление вызывает описание армянским хронистом столкновения между войсками правителя Дамаска Тугтегина и Аль-Борсуки с войсками крестоносцев в битве при Азазе. В этом сражении превосходящая по численности мусульманская армия потерпела поражение. На стороне крестоносцев принимала участие армянская конница. Тем не менее, описывая критические эпизоды сражения, Маттеос представляет сельджуков как орлов, пикирующих на стаю голубей, а также как волков, преследующих овец (*Ibid.*: 235). И все это для того, чтобы в следующий момент сообщить, что Бог внял молитвам христиан и обратил тюрков в бегство (Armenia 1993: 236). Возможно, что подобные оценки противостояния христиан и мусульман могли быть вызваны стремлением автора передать эмоциональное напряжение на разных этапах битвы.

С большим воодушевлением Урхаеци говорит о появлении на Востоке в 1127 г. Боэмунда, «сына Боэмунда, сына Роберта», который прибыл из «страны франков» и привел с собой «много юных и знатных людей из Рима». Иерусалимский король Балдуин отдал ему в жены свою дочь и пообещал сделать его своим наследником, а до этого отдал ему «Антиохию и всю Киликию». Он не выражает ни малейшего сомнения в том, что Боэмунд II сможет управлять государствами крестоносцев в качестве наследника семьи Гвискардидов, поскольку тот обладал «сильным характером и большой властью, он был в состоянии покорить всех франков и подчинить

их себе, включая графа Эдессы и сына Сент-Жиля». И хотя он был безбородым юношей 20 лет, он был «доблестный и мощный воин, высокий, с львиным лицом и белокурый» (*Armenia...* 1993: 237).

Под 1128/1129 г. хронист говорит о том, что сельджукский военачальник атабек Мосула Имад ад-Дин, эмир Зенги, искал мира и дружбы с правителем Антиохии, «великим франкским графом Боэмундом» при посредничестве графа Эдессы Жоселина (*Ibid.*: 238).

Очень странным выглядит тот факт, что Урхаеци обходит молчанием гибель Боэмунда II, произошедшую в 1130 г. от рук представителя династии Данышмендидов. Вполне возможно, что у него были вполне веские причины умолчать об этом событии, но, к сожалению, нам об этом ничего не известно.

Можно ли считать оценочные суждения летописца, которые он давал тем или иным народам или их представителям, непосредственными и объективными, уникальными или неоднозначными? Были ли они продиктованы «приверженностью благополучию Византийской империи, армян и других восточных христиан» или верой в исполнение предсказаний Ованеса Козерна и его предшественников? Безусловно, что все эти факторы оказывали значительное влияние на оценочные суждения хрониста. Вместе с тем очень важно не сбрасывать со счетов его принадлежность к интеллектуальным кругам Эдессы, которые могли оказывать на него не менее сильное воздействие. Очень часто Урхаеци оценивал норманнов и сельджуков в зависимости от того, пользу или вред они приносили его родному городу.

С этой точки зрения вполне оправданными выглядят «колебания» хрониста в оценке деятельности норманнских наемников, а в дальнейшем крестоносцев, которые первоначально воспринимались им как настоящие герои, не жалевшие себя в схватках с сельджуками до тех пор, пока их предводители не показали коварство, алчность и способность предать единоверцев. Возможно, что именно подобная репутация норманнов в глазах представителей правящей верхушки Эдессы побудила их обратиться с предложением взять власть над городом не к Боэмунду или Танкреду, а в первую очередь к Готфриду Бульонскому.

С уверенностью можно сказать одно, что «Хронография» Маттеоса Урхаеци является важнейшим источником для изучения истории проникновения норманнов и тюрков-сельджуков в Малую Азию с середины XI по первую треть XII в.

Литература

Аристахэс Ластивертци. 1968. *Повествование варданета Аристахэса Ластивертци.* М.: Вост. лит-ра.

Степаненко, В. П. 2021. О желательности знания «мелочей». Ответ А. Ю. Митрофанову. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии XXVI*: 656–672.

Andrews, T. L. 2016. *Matt'ēos Urhayec'i and His Chronicle: History as Apocalypse in a Crossroads of Cultures.* Leiden; Boston: Brill.

Armenia and the Crusades: Tenth to Twelfth Centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa. 1993. Lanham: University Press of America.

Chronique de Matthieu d'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162. 1858. Paris: A. Durand.

Kazhdan, A. P. 2001. Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century. In Laiou, A. E., Mottahe-deh, R. P. (eds.), *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World.* Washington, pp. 83–100.

Macevitt, C. 2007. The Chronicle of Matthew of Edessa: Apocalypse, the First Crusade and the Armenian Diaspora. *Dumbarton Oaks Papers* 61: 157–181.

Matthieu de Edesse. 1869. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse. *Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens.* Paris. T. I, pp. 1–150.

Schlumberger, G. 1881. Deux chefs normands des armées byzantines au XI-e siècle. *Revue Historique* XVI: 289–303.

Shepard, J. 1993. The Uses of Franks in Eleventh Century Byzantium. In Chibnall, M. (ed.), *Anglo-Norman Studies XV: Proceedings of the Battle Conference 1992.* N. p.: The Boydell, pp. 275–307.

Simpson, A. J. 2000. Three Sources of Military Unrest in Eleventh Century of Asia Minor: The Norman Chieftains Herve Francopoulos, Robert Crispin and Roussel de Bailleul. *Mésogeios* 9–10: 181–207.